

ДОСТОЕВСКИЙ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Том 1

*Юность.
«Бедные люди»*

ПАЛЪ МИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 1 9

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Д70

Д70 **Достоевский** в воспоминаниях современников : в 4 т. : [сборник]. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2019. — (Серия «Воспоминания о писателях»).

ISBN 978-5-517-01733-8 (т. 1)

Т. 1 : Юность. «Бедные люди» / [вступ. ст., коммент.

К. И. Тюнькина]. — 332 с.

ISBN 978-5-517-01732-1

В первый том этого сборника вошли воспоминания, посвященные юности Ф. М. Достоевского, годам его обучения в Инженерном училище, периоду работы над романом «Бедные люди».

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Тюнькин К. И., наследники,
вступительная статья, составление,
комментарии, 2019

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2019

ISBN 978-5-517-01733-8 (т. 1)
ISBN 978-5-517-01732-1

Достоевский. Кто он?

Однажды, уже в конце жизни, как бы подводя итоги всему тому, что было о нем сказано и написано, всему тому, что было им самим *выжито*, Достоевский заметил в записной тетради (слова эти хорошо известны, но вдумаясь в них еще и еще раз):

«Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой»*.

Да, Достоевский изображал глубины человеческой души, проникал глубинную суть человеческой личности, как бы освобождая, очищая ее, эту суть, от «гнета обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков»** и в то же время хорошо зная, какова сила этого гнета, застоя и предрассудков. Бездонны, бесконечны глубины человеческой души, не может иметь конца и их познание. Но именно на этот тяжкий путь познания «тайны человека» вступил Достоевский уже в первых своих произведениях.

И такой безмерно сложный, поистине тяжкий путь познания, избранный — сознательно или бессознательно — Достоевским, конечно, исходит из глубин его собственной личности. И тогда возникает перед нами задача огромной важности и в то же время трудности почти непреодолимой — проникнуть в тайны души, духа, сознания, в глубины личности само-

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. XXVII. Л., 1984. С. 65.

** Там же. Т. XX. С. 28.

го Достоевского. Беспредельный в своем духовном пространстве, в своей безудержной смелости, порой фантастический и — на внешний, поверхностный взгляд — парадоксальный творческий мир Гения властно и неумолимо задает почти «непосильный», но неотступно требующий ответа вопрос: кто же он, творец этого мира?

Конечно, самый этот «художественный мир» — картин, образов, характеров, сложных и часто необычных ситуаций, борющихся идей — может по-своему ответить на такой вопрос, при всем том, что приобрел особую самостоятельность, существует и движется как бы самопроизвольно, по своим собственным, внутренне присущим ему законам, будто бы независимо от своего создателя. И тем не менее «вторая действительность», действительность искусства, без всякого сомнения, являет собой продукт целенаправленной «личностной» деятельности, неотделима от творца, именно его узнаем мы в конце концов в этом бурном клубящемся потоке образов. Личность Достоевского прежде всего живет в созданиях его творящей фантазии, его всепроникающей мысли.

В поминальной речи поэта А. Н. Майкова, прочитанной в собрании С.-Петербургского славянского благотворительного общества 14 февраля 1881 года, через две недели после смерти Достоевского, встречаем такие слова: «...мы, бывшие близкие люди, получили особенное значение, мы вдруг очутились в совсем особенном положении. К нам предъявляются уже совсем новые для нас вопросы. От нас хотят услышать интимные подробности о покойном. От нас ждут множества ответов на множество вопросов, которые даже едва ли кто формулировать может. Все как будто вдруг открыли Достоевского, и все поскорей („главное, поскорей“, как говорил покойный) хотят узнать и определить, что такое Достоевский? „Всё, всё скажите“, говорят нам.

Но близкие люди, что они скажут, застигнутые врасплох? Спросите Анну Григорьевну о Федоре Михайловиче — она скажет: „Ах, какой это был муж! Как он меня любил, как я его любила!“ Друзья что скажут? Их ответы будут детальные, отры-

вочные, анекдотические пожалуй, а никак уж не отвечающие на предъявленные вопросы. Словом, ответы неинтересные. Что до меня, по крайней мере, я бы никогда ими не удовлетворился.

О великих людях, о великих писателях мне не особенно интересно знать, в каком доме они жили, какое платье носили, видеть вещи, им принадлежавшие; в старину, бывало, ценились табакерки, из которых они нюхали табак, шляпы, чернильницы, перья и т. д. Вся мелочная обстановка их жизни — это только краски, штрихи, подробности. Для меня всегда важнее внутренний мир писателя, и особенно русского писателя, его идеалы — нравственные, философские, политические, его понимание России, ее значения в мире, ее истории; мне интереснее этот, так сказать, идеальный очерк писателя, его душевный и умственный портрет. Но дадут ли вам его близкие люди? И к ним ли надобно обратиться, чтобы его составить и нарисовать? Нет, всякий лучше может сделать это сам и обратиться не к приятелям, а к самому лицу, о котором хочешь узнать. А это лицо — не умерло. Писатель, художник, мыслитель живет в своих произведениях. Читайте их, вдумывайтесь в них, разгадывайте смысл выведенных ими образов, прочтите в них недосказанное — и вы войдете в самые тайники души писателя, и узнаете его, может быть, лучше, чем его близкие, узнаете из них более, чем из всей его обстановки, трудолюбиво составленной биографии, более даже, чем из посмертной переписки, ибо в письмах человек пишет иногда под влиянием минуты...»*

Майков был прав — и не прав!

Ведь несомненно, что личность художника живет и в воспринимаящем его творения сознании читателя, но также — и в реальном, конкретном живом образе его, запечатлевшемся в памяти современников, непосредственных свидетелей и, может быть, невольных участников творческого процесса,

* Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. Приложения, с. 55–56.

очевидцев поведения, поступков, взаимоотношений и взаимоотношквиваний; личность эта живет в многочисленных, иной раз мгновенных и даже случайных отражениях в личностях других, пусть далеко не равноценных, не конгениальных. Ведь личность Достоевского — это содержательнейшее и мощнейшее «биополе», втянутым в которое или, напротив, отторгнутым от которого оказывался каждый с ним общавшийся. И тут все имеет значение — пусть мимолетное, мгновенное, но яркое впечатление; «образы» вещей; детали быта; наконец, мысли и слова, высказанные в полемическом задоре или горячем споре, еще не до конца обдуманые, иной раз резкие до чрезвычайной заостренности или даже нетерпимости, но, может быть, именно по этой причине и открывающие самое сокровенное, самое глубинное. Какие-то из записанных мемуаристами мыслей Достоевского, высказанных в устных разговорах и спорах неаргументированно и афористично, могут найти потом развитие и разъяснение в «полифонических» структурах романов или в столь же «многоголосой» публицистике. Но, может быть, важнее всего даже не сами эти мысли, а их, так сказать, сохраненная мемуаристами «достоевская» тональность, с одной стороны, а с другой — реально-жизненный или психологический контекст, в живой атмосфере которого эти мысли рождались и принимали ту или иную окраску и форму.

В воспоминаниях современников как бы сталкиваются разные времена — и прежде всего время описываемое и время писания. Эта временная дистанция может помогать, а может и мешать установлению истины. Яркое впечатление, тут же брошенное на бумагу, драгоценно своей сиюминутностью, своей непосредственной правдой. В этом смысле неоспорима достоверность, правдивость дневниковых записей, особенно если их автор лишен какой-либо предвзятости и, при всей неизбежной субъективности, простодушен, доброжелателен и, того лучше, умен. Образ, восстанавливаемый в воображении мемуариста через многие годы, может утратить непосредственность, но в благоприятных случаях — если вспоминает человек незаурядный, мыслящий, талантливый и опять-таки

непредвзятый — приобрести другое важное качество — содержательность и силу обобщения, воссоздать «душевный и умственный портрет», о котором говорил А. Н. Майков. Еще лучше, если заметки, сделанные под прямым впечатлением, впоследствии, в позднее написанных воспоминаниях, приобретают значимость такого «портрета».

Да, как и предполагал А. Н. Майков, Анна Григорьевна Достоевская и в «Дневнике», и в «Воспоминаниях» главным нервом повествования сделала любовь — при всем важном различии «документальных» стенографических записей «Дневника» и целенаправленных обобщений «Воспоминаний»*. Но какие своеобразные краски и оттенки приобретает эта любовь в сделанных по свежим следам записях двадцатилетней стенографистки!

Включенные в настоящее издание дневниковые записи А. Г. Достоевской** не претендуют на какие-либо «проникновения» в идеи и творчество необыкновеннейшего из смертных — ее мужа, но особую напряженную, трудную и в то же время нередко очень радостную атмосферу первого года совместной жизни с таким человеком, чей сложный внутренний мир, по крайней мере поначалу, для нее почти закрыт (хотя она самоотверженно делает все, чтобы понять и принять его), — эту атмосферу ее записи передают точно и внимательно. Но не только это. Анна Григорьевна с любовью и беспокойством следит за ходом и особенностями творческой работы мужа, находясь у самых ее истоков, хотя она и является пусть всего лишь «техническим» участником этой работы. (Она, например, отмечает «первотолчок» — дело Ольги Умецкой — и некоторые этапы создания нового романа «Идиот».) Любовь делает ее терпимой и проницательной. Она если не поняла, то почувствовала всей своей еще почти детской душой величие этого

* См. об этом вступительную статью С. В. Белова и В. А. Туниманова к «Воспоминаниям» А. Г. Достоевской (М., 1981).

** «Воспоминания» А. Г. Достоевской в настоящий сборник не входят, поскольку они сравнительно недавно появились в двух изданиях.

человека, мучительно страдавшего от часто оскорбительного и унижающего непонимания, от духовного одиночества; почувствовала огромную силу неизбывного стремления, если можно так сказать, к всепознанию (ведь именно ей диктует Достоевский свой роман «Игрок» — роман о безудержной страсти, и потом она с покорностью помогает ему исчерпать до конца его собственную страсть к игре). Болезненно замкнутый, «закрывшийся», страдающий от припадков падучей, расцветает вдруг Достоевский в воспоминаниях Анны Григорьевны редкой красотой ласки, любви, гармонии (и понятно, почему Анна Григорьевна так сочувственно приняла воспоминания Фон-Фохта о Достоевском в минуты веселости и спокойствия). Не всякий из мемуаристов умел «добраться» до этого внутреннего «душевного и умственного портрета» Достоевского. И наверное, есть какая-то закономерность в том, что сделать это чаще всего удавалось женщинам (таковы воспоминания В. В. Тимофеевой-Починковской, Е. А. Штакеншнейдер, А. П. Filosoфовой и др.).

Духовно и жизненно чужд был Достоевскому его младший брат Андрей. Да и сам Андрей Михайлович, когда писал воспоминания, не претендовал на многое, замечая, что его «записки» «будут иметь интерес» только для близких ему, «то есть для жены и детей». И все же... Нравственный и «вещный» дух лекарской квартиры на Божедомке, да и вообще старой мелкодворянско-купеческой Москвы первой трети прошлого века; почти патриархальное существование пансиона Чермака, где учились братья Достоевские; простой захолустный быт бедного помещичьего дома в сельце Даровом... Что это, как не истоки «душевного портрета» Достоевского? Нервный, пылкий, порывистый фантазер Федя Достоевский, судьбу которого так нечаянно предсказал отец («быть тебе под красной шапкой», то есть в солдатах), не предвещает ли этот «детский» портрет того Достоевского, могучее поэтическое воображение которого создаст Раскольникова, Ставрогина, братьев Карамазовых? И наконец, вся история с убийством отца крепостными крестьянами. Трагический ответ этой истории, пусть легендар-